

Смирнова Ирина Юрьевна

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра истории религии и церкви, Институт российской истории РАН*

Адрес: 117036, Российская Федерация, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

Дипломатическое противостояние России и Великобритании на Ближнем Востоке (1830-1850 гг.): по материалам аналитического обзора барона Н.Е. Торнау

В статье рассматриваются цели и методы работы британских дипломатов на Ближнем Востоке в контексте миссионерской и внешнеполитической конкуренции великих держав в середине XIX в. Особое внимание уделено характеристике внешнеполитического курса российского Министерства иностранных дел в царствование Николая I, показаны причины поражения России в Крымской войне. Впервые вводится в научный оборот записка российского востоковеда барона Н.Е. Торнау, в которой дается критический анализ российско-британских отношений в 1830–1850-х гг. Аналитический обзор барона Торнау послужил исходным материалом для формирования новой послевоенной концепции МИД укрепления позиций России на Ближнем Востоке, когда ответом России на миссионерскую активность западных держав стало развитие русского церковного и дипломатического присутствия в Ближневосточном регионе.

Ключевые слова: миссионерское движение, дипломатия на Ближнем Востоке, Министерство иностранных дел Российской империи, Форин Офис, Османская империя, Крымская война.

Изучение российского и европейского церковного и дипломатического присутствия в Османской империи в канун Крымской войны убеждает в том, что успехи миссионерской политики великих держав во многом зависели от дипломатической поддержки общин тех или иных религиозных конфессий со стороны посольств в Константинополе, а также от налаженности работы их консульских представительств в различных уголках империи. Так, Форин Офис, планомерно расширяя консульскую сеть на территории турецких вилайетов, не ограничивался прибрежными городами с их морскими портами. Открывая представительства в таких крупных центрах, как Дамаск или Алеппо, британские консулы имели возможность оказывать непосредственное влияние, в том числе в политическом плане, на местные этнические общины (Смирнова, 2015).

Российская дипломатия на Ближнем Востоке в преддверии Крымской войны значительно уступала британской и французской, как признавались в том сами дипломаты (Торнау, 1854; Влангали, 2014). Во многом проблема была связана с недооценкой значения российского присутствия, с неустойчивостью дипломатической консульской службы на Ближнем Востоке и, прежде всего, с вопросом кадров, то есть назначением консулов и вице-консулов, представлявших интересы Российской империи, на места, наиболее важные в дипломатическом и коммерческом отношении. Уже в 1830 г., сразу после заключения Адрианопольского мира, А.Н. Муравьев писал в МИД о «шатком положении наших консульств в Леванте», их невзрачности, невежестве, приверженности больше к торговле, чем к отстаиванию государственных интересов, неспособности выступать на равных с представителями других держав, таких как Франция, Англия и Сардиния, принадлежавшими «к древним и даже знаменитым семействам... превосходя всех прочих во внешнем величии». На фоне представительных британского и французского посланника наши, по словам Муравьева, «почти всегда происходят из торгового класса, обладают узким кругозором, который не выходит за рамки их прежних мелких интересов, иногда даже не знают самой нации, консулами которой являются, и не способны достойно представлять ее, поскольку, несмотря на то, что коммерция является их главной целью» (Муравьев, 1830).

Были допущены ошибки и при выборе русских представителей в Лондоне – так, княгиня Д.Х. Ливен, главный и объективный информатор для Петербурга, которую зарубежные историки называют «подлинным российским послом при Сент-Джеймском дворе» (Виноградов, 1991. С. 53), была признана персоной нон грата, в то время как посол в Лондоне барон Ф.И. Бруннов, в стремлении оградить Николая I от неприятных известий фильтруя нежелательную информацию об истинных настроениях в Британии по отношению к России, искажал тем самым реальную картину, питая иллюзии императора о крепости российско-британского союза.

Другая проблема заключалась в сложностях преодоления казенной субординации – донести свое мнение на «самый верх» далеко не всем и не всегда представлялось возможным. Непреодолимой стеной стояла фигура гиперосторожного вице-канцлера графа К.В. Нессельроде, блокировавшего информацию «снизу». Зачастую решения принимал сам император, получая, в обход вице-канцлера, информацию из первых рук.

Недоверие к курсу Нессельроде, отсутствие профессиональных информаторов и адекватной информации препятствовало конструктивной работе МИДа. С этим связана одна из главных проблем в канун Крымской войны –

незнание и непонимание православного Востока и его проблем в российских верхах. В результате Россия, которую всегда упрекали и упрекают в агрессивной внешней политике, заметно отставала от западных держав в развитии своего церковного присутствия в Османской империи. Характерно мнение князя П.А. Вяземского, посетившего Иерусалим в 1850 г. в сопровождении адмирала Е.В. Путятин: «Все иностранцы вопиют о происках наших на Востоке, о властолюбии, духе господства; а мы и мизинцем не упираемся на Востоке. Вся забота о маленьких, дипломатических победах, которые остаются в архивах и на бумаге, а на народонаселение не изливаются. У всех держав здесь есть церкви, училища, больницы, странно-приимные дома, монастыри, рассеявшиеся по всему Востоку, а у нас ничего этого нет». Допуская, что и отсутствие России на христианском Востоке бесполезно в том отношении, что поддерживает упования и ожидания православных, князь считал, что «не мешало бы и нам иметь в надлежащих мерах, без притязания на первенство, христианский голос на земле, отколе пришло к нам христианское учение» (Вяземский, 1884. С. 250–251).

За весь предкрымский период не было выработано какой-либо отчетливо сформулированной концепции деятельности России на православном Востоке (Лисовой, 2006. С. 56). Если лорд Каннинг в 1851 г. добился от Порты официального признания английской епископии в Иерусалиме и британского протектората над протестантами Османской империи, патриарх Валерга заручился поддержкой папы римского и французской дипломатии в Константинополе, то Русская духовная миссия в Иерусалиме, хотя и высочайше учрежденная, но неофициально посланная в Иерусалим, получила признание турецкого правительства только в 1857 г., что давало повод говорить о равнодушии российских элит к интересам восточного православия.

Недальновидность российского правительства, близорукость и нерасторопность руководства дипломатического ведомства, неверно выбранные ориентиры в русско-британских отношениях, приведшие в конце концов к Крымской войне, не раз становились предметом внимания экспертов Азиатского департамента.

В этом отношении особый интерес представляет аналитическая записка эксперта-востоковеда из Азиатского департамента Министерства иностранных дел барона Н.Е. Торнау¹, составленная в августе 1854 г., спустя полгода после того, как Великобритания и Франция объявили войну России в марте 1854 г., и отложившаяся в фондах РГИА (Ф. 1101, оп. 1, ед. хр. 587)².

Обзор барона Торнау представляет собой компаративный анализ подходов и принципов русской и британской дипломатии на Ближнем и Среднем Востоке и содержит резкую критику российской внешней политики на азиатском направлении, в том числе за взятый Россией курс на сближение с Англией, невнимание иностранного ведомства к проблемам стратегически важных регионов. Особое внимание в записке уделялось методам работы британской дипломатии, которые, в соответствии с позицией

¹ Торнау Николай Егорович (1812–1882), барон, член Гос. Совета, исламовед, основоположник стенографии в России. Окончил Царскосельский лицей, занимал различные должности в нескольких министерствах: иностранных дел, юстиции, внутренних дел. Занимал ряд должностей в Персии, на Кавказе. Автор первых в России научных работ по мусульманскому праву. В 1851–1857 гг. занимал пост обер-прокурора Сената, затем обер-прокурора 2-го отделения 3-го департамента.

² Записка барона Н.Е. Торнау. Август, 1854 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 1–10 об.

Великобритании в отношении Российской империи, были универсальными для всех регионов, входивших в сферу британских геополитических интересов.

По справедливому замечанию проницательного дипломата и востоковеда, Россия, сделав ставку на султана против египетского паши в войне между Константинополем и Каиром, уступила Египет, а с ним и Святую землю Франции и Великобритании, то есть, предпочтя Босфор и отказавшись от Египта, упустила весь Ближний Восток. «Почивание на лаврах» после Ункяр-Искелесси сослужило плохую службу: англичане и французы успели занять ключевые позиции в Сирии и Палестине, вынудив Николая I присоединиться к европейскому «концерту». Довольствуясь иллюзиями о собственной «мощи» и «влиянии», Россия упустила шанс, предоставленный Ункяр-Искелессийским договором, и уступила лидерство Великобритании, не сумев удержать позиций.

Торнау был уверен, что Россия, граничившая с Турцией, Персией и другими странами Центральной Азии, в силу своего преобладающего могущества над соседями, укрепившегося походами и победами русских войск, имела «неотъемлемое право влияния на политические дела сих стран», а потому считал неотъемлемым долгом русской дипломатии «сохранение и дальнейшее расширение влияния нашего на дела Востока, равно как и достижение первенства в сем отношении пред другими государствами». Однако вместо того в конце 1830-х гг. политическое влияние России на Востоке не возрастало, а, напротив, заметно уступило первенство Великобритании, «не удержав за собою даже того, что поднесено было ей на штыках солдат наших» (Торнау, 1854. Л. 1–1 об.).

Англия же, напротив, являясь сильнейшей соперницей России, с систематическим постоянством, как писал Торнау, распространяет не только нравственное влияние, но и материальную власть и владычество свое на все части Азии, доступные флоту и сухопутной армии ее. Утверждая тем самым британское политическое присутствие, в Англии бдительно следили за действиями российских представителей. В целях уничтожения малейшего российского влияния английские агенты использовали все средства, и, как писал Торнау, «там, где недостаточно действует золото их, действуют заговоры, клевета, устрашение и лишение» (Торнау, 1854. Л. 2–2 об.).

В отличие от энергичных и не всегда оправданных мер, к которым прибегали британские политики и дипломаты, Россия действовала чересчур уступчиво, не желая навлечь на себя даже тень сомнения в глазах британских политиков. При отсутствии какого-либо долгосрочного стабильного курса и четко очерченных задач действия российской дипломатии сводились лишь к тому, чтобы не раздражать и не огорчать британских «коллег» и их предполагаемых «союзников».

Целиком и полностью доверяя сомнительному, по убеждению Торнау, политическому союзу, Россия «забыла, что имеет дело с врагом коварным, который для укрепления своего могущества стремится прежде всего к потрясению и за сим к разрушению могущества и влияния своих соперников». Автор справедливо признает, что ради того, «чтобы не вредить Англии», Россия была готова прекратить свои дипломатические действия и, «дозволяя Англии действовать безотчетно, вредила самой себе» (Торнау, 1854. Л. 4–4 об.).

В отличие от России, которая в своих действиях не только на Востоке, но и в Азии заботилась только «о сохранении мнимого дружеского расположения Англии», британское правительство преследовало прежде всего

собственные интересы. Говоря о долгосрочных проектах и планах британской политики как о главном принципе дипломатической работы, барон Торнау подчеркивал, что, преследуя «раз и навсегда начертанную» цель, Англия пользовалась наивной уступчивостью русской политики для продвижения своего присутствия, а «где не успевала укреплять окончательно своего влияния, старалась только уничтожить влияние русских агентов» (Торнау, 1854. Л. 5–5 об.).

Блокирование любых российских инициатив было одним из главных приемов британской дипломатии, в том числе при учреждении консульских постов. Если английские консулы и агенты назначались в самые, казалось бы, отдаленные и незначительные пункты, то в случае попыток учреждения российских консульств и вице-консульств «англичане подвергали дипломатическим переговорам каждый шаг наших правительственных мест и агентов». В результате из-за уступчивости, а нередко и «правительственного неодобрения со стороны России действий ее агентов» там, где у нас не было своих агентов, «британская политика могла действовать безотчетно» (Торнау, 1854. Л. 5 об. – 6).

Дело доходило до абсурда. С Центральной Азией, к которой Россия, в отличие от Великобритании, географически находилась ближе всего, были фактически прекращены все дипломатические контакты. Требование же отчета о действиях британского правительства в не подчиненных ему странах, таких как Афганистан, Персия или Синд, считалось в российских дипломатических верхах «вмешательством в дела английского управления, посягательством на уменьшение влияния его в азиатских колониях, на разрушение его владычества в Индии» (Торнау, 1854. Л. 7–7 об.).

Аналогично МИД относился к действиям русских дипломатов в Османской империи, держа в страхе весь дипломатический корпус Азиатского департамента и полагая, что тем самым он обеспечивает сохранение «всеобщего европейского мира». Раболепное заигрывание перед Великобританией в высших правительственных кругах наносило непоправимый вред российским интересам, при том что сохранить пресловутый «европейский мир» так и не удалось.

Что касается Великобритании, то она извлекала выгоду из курса русской дипломатии для расширения своего влияния, следуя противоположным принципам. Заняв прочные позиции в тех регионах, где британским интересам могла угрожать опасность со стороны России, и уничтожив там российское политическое влияние, Англия, по словам Торнау, «вступила с Россией в бой... целью коего было и есть единственно ослабление государства, сделавшегося опасным Англии, мощно возрастающего своею силою» (Торнау, 1854. Л. 9–9 об.).

В связи с тем что записка была написана вскоре после вступления Англии и Франции в войну, барон Торнау мог позволить себе непредвзятый анализ русско-британских отношений и вытекающих из него последствий. Остается только удивляться, почему такой анализ не был представлен раньше, когда, возможно, было время что-то исправить. Англия, которая, по словам Торнау, «тридцать с лишком лет с коварством пользовалась нашей снисходительностью и уступчивой политикой», планомерно и настойчиво готовилась к войне с Россией, которая наивно и безоглядно доверяла ей как союзнице, во многом уступая в ущерб своим интересам. Объявление Англией войны, по глубокому убеждению автора, развязывало России руки и давало ей право на ответные действия (Торнау, 1854. Л. 10–10 об.).

Автор обзора по видению проблемы выстраивания русского присутствия в регионах был во многом близок к оценкам А.Г. Влангали, командированного в Турцию в 1858 г. (Влангали, 2014). Перед обоими экспертами была поставлена задача объективно и беспристрастно выявить просчеты российской внешней политики, отметить вольные и невольные опущения и промахи Министерства иностранных дел, открыть глаза на опасности, грозившие России при невнимании, равнодушии и небрежности в вопросах ее дипломатического присутствия. Разбирая тактику и стратегию русской дипломатии на Востоке, отмечая их слабости и пробелы, авторы обзоров вместе с тем указывали первоочередные меры по исправлению ситуации для укрепления позиций России на Ближнем Востоке. Не случайно их обзоры послужили исходным материалом для формирования новой послевоенной концепции МИД укрепления позиций России на Ближнем Востоке.

Приложение

Записка барона Н.Е. Торнау. Август 1854 г.

Россия, коснувшись пределами своими Турции, Персии и других стран Центральной Азии, приобрела сим, по преобладающему могуществу ее над соседями своими в Азии, неотъемлемое право влияния³ на политические дела сих стран»⁴. Влияние это, приобретенное географическим положением России, укрепилось за нею походами и победами войск наших.

За сим сохранение и дальнейшее расширение влияния нашего на дела Востока, равно как и достижение первенства в сем отношении, пред другими государствами, достались в удел дипломатии нашей.

Если в настоящее время судить по одним последствиям, что с 1837 и 1839 годов, влияние наше на Востоке не увеличилось; оно, напротив того, заметно подчинилось первенству политического влияния Англии⁵. Дипломатия не удержала за собою даже того, что поднесено было ей на штыках солдат наших.

Сильнейшая соперница, постоянно противоборствующая влиянию нашему на Востоке, была и есть Англия. Не подчиняясь никакой политической отчетности, Англия с систематическим постоянством распространяет не только нравственное влияние, но и материальную власть и владычество свое на все части Азии, доступные флоту и сухопутной армии ее. Утверждая таким образом, безотчетно, влияние свое на дела Востока, Англия в то же самое время бдительно следит за ходом нашего нравственного влияния в Азии. Всякое политическое движение наше в Турции и Центральной Азии делается немедленно, с одной стороны, предметом дипломатических переговоров между министерствами, а с другой стороны, предметом политической деятельности английских агентов для парализирования или

³ Подчеркивание в оригинале.

⁴ «Наше Министерство неоднократно называло это право влияния “influence legitime”» (примеч. барона Н.Е. Торнау).

⁵ Началом преобладания английского влияния следует считать: в Персии с похода шаха в Герат, в Турции с уничтожения Хункиар-Скелиссского трактата (примеч. барона Н.Е. Торнау).

уничтожения вовсе даже вновь народившегося влияния нашего. Исторические факты доказали нам, что для достижения сей последней цели их все средства подручны англичанам, и там, где недостаточно действует золото их, действуют заговоры, клевета, устрашение и лишение.

Политическая борьба наша с Англиею была до сих пор тем затруднительнее и тем невыгоднее для России, что оружия в руках бойцов были неравные.

Россия действовала уступчиво, не желая никаким дипломатическим действием навлечь на себя даже сомнения в принятии мер к противоборству английской политике и к поколебанию влияния Англии на владения, подчиненные ее власти. Инструкции агентов русских были лишь временные и не заключали в себе преследования одной какой-либо указанной идеи или предположенной цели. Дипломатические сношения, между прочим, с Центральною Азиею не были постоянные и прерывались по первой тревоге со стороны английского правительства. Агенты наши в Персии и Центральной Азии получали положительные наставления не возбуждать действиями своими недоверчивости в английских властях, и всякое действие, заслужившее негодование английского правительства, по поводу хотя бы косвенного влияния на дела индийские, считалось превышением данной инструкции, распоряжением самовластным и вредным интересам нашего же правительства.

Россия в политической борьбе с Англиею полагала необходимым действовать откровенно, с благородством, без вмешательства в чужие дела, но забыла, что имеет дело с врагом коварным, который для укрепления своего могущества стремится прежде всего к потрясению и за сим к разрушению могущества и влияния своих соперников. Таким образом, Россия, прекращая свои дипломатические действия в тех видах, чтобы не вредить Англии, но позволяя в то же время ей действовать безотчетно, вредила самой себе тем, что выпускала из рук своих то нравственное влияние, которое уже в мирное время устрашало Англию и которое при разрыве дружеских отношений должно было послужить исходною точкою для наступательных действий России против нее.

Политическая деятельность Англии в Центральной Азии имела всегда в виду будущность положения ее в сих странах; Россия в действиях своих в этих же странах заботилась только о сохранении настоящего положения, т. е. мнимого дружеского расположения Англии к России.

Английское правительство никогда не теряло из виду того правила, что для успеха в будущем необходимо пользоваться всяким благоприятным случаем, в какое бы время оный ни представлялся, для укрепления предположения, имеющего быть приведенным в исполнение впоследствии. Для агентов английских цель деятельности была раз навсегда начертана: «укрепление власти Англии в колониях и разрушение всякого другого постороннего влияния на дела Азии». Англия воспользовалась уступчивостию русской политики. Не прерывая своих действий, она, где не успевала укреплять окончательно своего влияния, старалась только уничтожить влияние русских агентов. Имея в виду предначертанную общую цель, агенты их везде следили за действиями русской политики на Востоке. Правительство английское не щадило издержек, зная, что расходы временные вознаграждаются вполне тою пользою, которая предусматривалась в будущие времена, на десятки лет вперед, от преследования с систематическим постоянством главной идеи об азиатской политике. За сим англичане подвергали

дипломатическим переговорам каждый шаг наших правительственных мест и агентов. Переговоры повлекали за собою объяснения и нередко правительственное неодобрение со стороны России действий ее агентов. Россия в странах, в которых английская политика действует безотчетно, агентов своих не имеет. С Центральною Азиею, с которою Россия по географическому положению своему ближе могла бы вступить в сношения, чем Англия, прекращена всякая дипломатическая связь. Что же касается, наконец, до требования отчета, чрез дипломатические переговоры, о действиях английского правительства, хотя бы и в неподвластных ему странах, как то: Афганистане, Персии, Синде и т. п. – и хотя бы действия их были вполне однородны с действиями русских агентов, сделавшимися предметом таковых же переговоров⁶, требование подобного отчета считалось, по мнению дипломатии нашей, вмешательством в дела английского управления, посягательством на уменьшение влияния его в азиатских колониях, на разрушение его владычества в Индии, словом, подобного рода действие, казалось, могло иметь страшнейшие последствия, породив разрыв с Англиею и нарушив общий европейский мир. Желание нанести и с нашей стороны, хотя бы в справедливое возмездие, Англии вред и потрясти влияние ее на поприще восточной политики умолкало всегда пред страшным пугалищем: «нарушение всеобщего европейского мира».

Но все жертвы, нами в угодность Англии принесенные, все оставленные нами выгоды от первенства влияния нашего в Азии не оградили нас от тех бедствий, избавление от коих представлялось всегда на вид дипломатиею нашею как вознаграждение уступчивой против Англии политики.

Англия, извлекая свою пользу из направления, которому следовала дипломатия наша, действовала по другим началам. Дружба России была ей нужна для укрепления своей власти, для расширения своего влияния. Лишь только она сочла власть свою достаточно укрепленною и политическое влияние России уничтоженным в тех странах, откуда ей могла угрожать опасность, убедившись при том, что ошиблась в мысли, будто бы в Афганистане положено начало положительного преднамерения России упрочить свое влияние на дела индейские, Англия сама расторгнула дружеские сношения с Россиею и, воспользовавшись моментным появлением на престоле французском достойного коварной политики ее союзника, вступила в бой с Россиею, в бой, который имел только предлогом восстановление нарушенного европейского равновесия и целию коего было и есть единственно ослабление государства, сделавшегося опасным Англии, мощно возрастающего силою своею.

Возгоревшаяся ныне война должна рассеять и в глазах поклонников английской политики то страшное пугалище о нарушении европейского мира, которое постоянно как меч Дамоклов висело над восточною политикою нашею.

Вмешательством ныне, и с нашей стороны, в дела Англии мы не подвергнемся обвинению, что нарушим европейский мир. Англия сама расторгнула союз с Россиею. Двинув флоты свои для наступательной войны, она вполне развязала нам руки для действия наступательно и с нашей стороны.

Если Россия в мирное время или во время политическо-дружеских сношений с Англиею считала священною обязанностию своею для сохранения всеобщего мира не вмешиваться в восточные дела Англии и не потрясать влияния ее там, где потрясение это возможно, то ныне, при враждебных действиях Англии, при нападении ее на пределы России, при истреблении

беззащитной собственности частных людей, при бомбардировке монастырей и святых храмов, оказывается столь же священной обязанностью, собственно для скорейшего восстановления мира, нанести сопернице России чувствительные удары в собственное ее тело.

Кроме митрополии, сила Англии в колониях ее, но для нее не только существование и благоденствие сих колоний, но и спокойствие в них есть жизненный вопрос.

Посему если Россия, наступательным действием какого бы рода ни было, может достигнуть хотя бы только того, чтобы нарушить спокойствие во владении колониями, то действием сим нанесется удар, от которого содрогнется и британский колосс, и заставит смириться надменного владыку морей пред мощным владыкою Русской земли. <...> Щит, ограждавший Англию и позволявший ей деяния самовластия и неограниченного влияния над странами, недоступными влиянию других государств, был мир и опасение нарушения сего мира. Объявив России войну и открыв против нее наступательные действия, Англия лишила себя своего политического щита, охранявшего ее от вмешательства других государств в собственные ее дела, и дала России право действовать наступательно на нее, наносить ей вред везде, где сие возможно, и потрясти то преобладание политическое и материальное, которым она столь нагло ныне с достойным ее союзником [императором французов Наполеоном III], героем Булонским и Страсбургским, налегла на Россию во всех европейских ее морях. При том же не одною блокадою наших портов, бомбардированием городов и пленением судов Англия наносит нам вред, она ведет войну и тем, что возбуждает против России непокорных нам народов на Кавказе, восстание их она подкрепляет материальными средствами. Посылка черкесам и лезгинам нескольких тысяч рублей равняется смерти и убийству стольких же воинов наших.

При всех видах настоящей войны, при всех враждебных действиях Англии против нас неужели возможно еще допустить мысль о нераздражении ее наступательными действиями против ее владений, против ее коммерческих интересов?

Наступательными действиями Англии Россия приобрела право действовать и против нее наступательно, желанием же и стремлением ее унижить Россию в величии ее и приостановить и уничтожить промышленную ее деятельность Англия возложила на Россию священную обязанность не только защищаться против врага веры, чести и интересов Русской империи, но и идти против нее наступательно и наносить смертельные удары врагу, тридцать с лишком лет с коварством пользовавшемуся нашею снисходительностью и уступчивою политикою.

РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 1–12 об.

⁶ Примеч. барона Н.Е. Торнау: «Укажем на следующие, между прочим нам известные факты:

1. Порицая действия русского посланника в Персии [в 1832–1838 гг.] графа [И.О.] Симонича в том, что он наставлял персидского шаха советами в походе его против Герата и что посланник дозволил состоявшему при миссии капитану Бларембергу руководить персиянами при осаде Герата, английское правительство в то же время посылает в Герат своих офицеров, между коими лейтенанту Поттинджеру поручается начальство над обороною крепости против персиян. Указывая на враждебные действия Русской [дипломатической] миссии, вступившей в переговоры с афганистанскими ханами и предложившей им соединиться одним тесным

политическим союзом для защиты их владений, Английская миссия, состоя при лице шаха, вступает чрез посредство самого посланника Макниля в личные переговоры с Гератским принцем.

Макниль вручает Камран-Мирзе значительную сумму денег для покрытия издержек войны и обещает ему сделать диверсию английскими войсками в Персидском заливе, дабы заставить персиян отступить от Герата; в это же время английские офицеры в лагере персидского шаха находятся в ежедневных сношениях и в переписке с английскими офицерами в Герате и передают им все преднамерения, все планы военных действий персиян. Макниль (sic) за успешные действия его под Гератом заслужил особенное одобрение парламента; поручик Поттинджер произведен в майоры, получил высшее назначение, и имя его опубликовано в газетах как избавителя Герата. С нашей стороны действия агентов наших, вследствие дипломатических переговоров с английским правительством, признаны превышением инструкций их; посланник граф Симонич, предвидевший исход экспедиций персиян против Герата при действиях английского правительства в Афганистане и тщетно ожидавший подробных инструкций на основании предложенных им мер для противоборства против действий англичан, граф Симонич, в коем англичане увидели своего опаснейшего врага, ибо он опознал положение индейских дел и указал на средства противоборства Англии и к укреплению нравственного влияния нашего на дела Индии, граф Симонич был отозван из Персии и лишился доверия нашего правительства (гнусная клевета обвинила его в неблагоприятных, корыстных действиях). Если бы граф Симонич желал действовать корыстно, то английские агенты готовы были на всякие материальные жертвы для того только, чтобы он не противодействовал влиянию английской политики в Персии и в Центральной Азии и чтобы он не указал правительству своему средств и способов к потрясению владычества Англии в индейских ее владениях. Граф Симонич оставил по себе в Персии столь блистательное имя и столь почетную память, что оные до сих пор не изгладилась ни достоинствами, ни способностями его преемников.

2. Дост-Могамед, хан кабульский, вняв с радостью внушениям русского агента [Я.В.] Виткевича [(1808–1839)], посылает своих доверенных людей к посланнику в Персии с мольбою принять его под покровительство России и поддержать его, хотя бы только нравственным влиянием. Появление одного агента нашего в Афганистане смущает англичан; они находят в прибытии капитана Виткевича в Кабул и в переговорах его с Дост-Могаммед-Ханом посягательство России на нарушение спокойствия их в Индии. Английское министерство требует объяснений, а министерство наше дезавуирует публично действия Виткевича и признает оные превышением данной инструкции. Дипломатическая связь с Кабулом совершенно прекращается, просьбы Дост-Могаммед-хана о защите остаются без внимания. Между тем англичане, хотя и достигли путем дипломатических сношений полного удовлетворения и хотя и уничтожили на деле влияние России в Афганистане, полагали необходимым изгладить, принятием сильных мер, то невыгодное впечатление, которое произвели в сей стране переговоры Виткевича и действия посланника в Персии графа Симонича. Восстав против посылки одного офицера русского в Афганистан, Англия снарядила туда же целую армию. Предлогом войны было восстановление на афганистанский престол шаха Шуджи и защита законных его прав, о коих Англия, в течение 1- лет пребывания сего принца в Индии, и не вспоминала. Английские войска покоряют весь Афганистан и, где встречают сопротивление, разоряют города огнем и мечом. Действия их не подлежат дипломатическим переговорам. Генерал Кин назначается за успешную экспедицию лордом Великобританским, возводится в звание барона Газны, и правительство назначает ему ежегодную пенсию в 50 000 франков, с выплатою оной на будущее время вдове и детям в двух генерациях. Макнотен возведен в баронеты, и Бёрнс награждается орденом» (РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Ед. хр. 587. Л. 6 об. – 8).

Библиография:

Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. – М., 1991.

Влангали А.Г. Православие и Россия на Востоке / Подг. текста, вступ. статья, примеч.
И.Ю.Смирновой // Православный палестинский сборник. Вып. 110. 2014. – С. 105–128.

Вяземский П.А. Старая записная книжка // ПСС в 12-ти томах. – СПб., 1884. Т. IX.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем
Востоке в XIX – начале XX в. – М. 2006.

Муравьев А.Н. Записка «О Египте». 1830 г. // АВП РИ. Ф. 154. Азиатский департамент.
Ед. хр. 4209.

Смирнова И.Ю. Россия и Англия в Святой Земле в канун Крымской войны. –
М.: Изд-во «Индрик», 2015.

Irina Smirnova

PhD (history), senior researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Address: 19 Dmitry Ulyanov St., 117036 Moscow, Russian Federation
E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

The Russian-British Diplomatic Confrontation in the Middle East (1830–1850): based on the Baron N. E Thornau' analytical review

In the article the goals and methods of the British diplomatic work in the Middle East are observed in the context of the missionary and foreign policy competition of the great powers in the middle of the 19th century. Particular attention is paid to the foreign policy course of the Russian Ministry of Foreign Affairs in Nicholas the First' reign and the reasons for the Russia's defeat in the Crimean War are shown. A memorandum of the Russian orientalist Baron N. E. Tornau is introduced into scientific circulation, in which is given a critical analysis of Russian-British relations in the 1830s–1850s. The analytical review of Baron Tornau served as the starting material for the formation of a new postwar concept of the MoFA strengthening Russia's position in the Middle East, when the development of the Russian ecclesiastical and diplomatic presence in the Middle East region became Russia's response to the missionary activity of the Western powers.

Keywords: Missionary movement, diplomacy of the great powers, the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, Foreign Office, Ottoman Empire, the Crimean War.

References

Vinogradov V.N. Britanskij lev na Bosfore [British Lion on the Bosphorus]. Moscow, 1991.

Vlangali A.G. Pravoslavie i Rossiya na Vostoke [Orthodoxy and Russia in the East]. Pravoslavnyj palestinskij sbornik – Orthodox Palestinian collection, 2014, no. 110, pp. 105–128.

Vyazemskij P.A. Staraya zapisnaya knizhka [Old notebook]. – Saint Petersburg, 1884, vol. IX.

Lisovoj N.N. Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v. [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the XIX – early XX century]. – Moscow, 2006.

Murav'ev A.N. Zapiska «O Egipte». 1830 g. F. 154. Aziatskij department [A note on Egypt. 1830. The Foreign Policy Archive of the Russian Empire], no. 4209.

Smirnova I.Yu. Rossiya i Angliya v Svyatoj Zemle v kanun Krymskoj vojny [Russia and England in the Holy Land on the eve of the Crimean War]. – Moscow, Indrik Publ., 2015.